

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ им. А. А. ПОТЕБНИ

На правах рукописи

МУСИЕНКО Валентина Павловна

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ МЕРЫ В
РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Специальность: 10.02.01 - Русский язык

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Киев - 1992

Работа выполнена в Отделе русского языка Института
языковедения им. А.А.Потебни АН Украины.

Научный консультант: академик АН Украины
В.М.Русановский

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор В.И.Кононенко
доктор филологических наук
Е.С.Снитко
доктор филологических наук
А.А.Тараненко

Ведущая организация – Харьковский государственный педагогический институт им. Г.С.Сковороды.

Защита диссертации состоится "20" октября 1992 г.
в 15 часов на заседании специализированного совета Д.016.28.01
по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора фило-
логических наук при Институте языковедения им. А.А.Потебни АН
Украины /252001, Киев-1, ул. М.Грушевского, 4/.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Институ-
та языковедения им. А.А.Потебни АН Украины.

Автореферат разослан "4" сентября 1992 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
доктор филологических наук

Н.Г.Сзерова

Н.Г.СЗЕРОВА

ЛННБ України ім.В.Стефаніка

00739803 (U)

Адекватное отражение предмета, явления в ходе познания возможно лишь тогда, когда они берутся в форме человеческой чувственной деятельности. Утверждение данного подхода в языкознании, связанное со всеобщей гуманизацией науки, прошло путь от отдельных попыток изучения говорящего человека до оформления функциональной лингвистики как особого направления.

Широкое развитие функциональных исследований обусловлено как теоретической значимостью, так и практическими потребностями. Поскольку сущность предмета дана нам в явлениях, следовательно, всестороннее познание сущности языка возможно через изучение его функций. Изучение языка от функции к форме Л.В.Щерба называл активной грамматикой, имея в виду то, что это грамматика говорящего, а не слушающего. Таким образом, подобные описания имеют большую ценность для изучающих язык как иностранный.

Функциональный подход к языку имеет давние традиции. В отечественном языкознании они восходят к трудам А.А.Потебни, Ф.Ф.Фортунатова, Н.В.Крушевского, А.М.Пешковского, Л.В.Щербы, И.И.Мещанинова, находя развитие в исследованиях Г.В.Степанова, Н.А.Слюсаревой, А.В.Бондарко, Г.А.Золотовой и др. В зарубежной лингвистике функционализм представлен работами В.Матезиуса, Р.О.Якобсона, Е.Куриловича, Э.Кошмидера, О.Есперсена, Ф.Брюно, А.Мартинэ, М.А.К.Хэллдея.

Ввиду многообразия языковых функций в лингвистике развиваются функциональные исследования разного типа. Функциональная лингвистика, анализирующая язык сквозь призму коммуникации, с необходимостью должна обращаться к проблеме языковой картины мира и её национально-культурной специфики, социо- и психолингвистическим факторам, прагматическому аспекту и др.

Функциональная лингвистика в наши дни — это по преимуществу лингвистика семантических категорий и функционально-семантических полей, и это закономерно, ибо в речевой деятельности перед говорящим стоит задача поиска материальной формы для представления смысла; реципиент идет от формы к содержанию, однако постоянно проверяет себя с позиции говорящего. Основанием для постулирования, вычленения категории служит её регулярная реализация в языковом материале разных уровней. Многие категории уже проанализированы,

а поля структурированы¹.

Однако категория меры не нашла адекватного отражения, хотя идея "витаает в воздухе", о чем свидетельствуют работы, посвященные анализу количества, градуальности, интенсивности, ослабленности, степени на каком-либо участке языка². Отправной точкой нашего исследования явилась гипотеза о том, что все перечисленные выше характеристики суть аспекты категории меры. Поскольку мера — это диалектическое единство качественно-количественных отношений, то представляется, что изолированное описание категории качества и категории количества должно быть завершено, интерпретировано в рамках категории меры. И в этом состоит актуальность данной работы.

Теоретической основой нашего исследования является теория функционально-семантических полей в интерпретации А.В.Бондарко, положение о диалектической связи мышления и языка и опосредованном представлении действительности в языке идея о лингвокреативном характере мышления, диктующем различия в лингвистической картине мира, как они представлены в работах А.Ф.Лосева, Э.Р.Атаяна, Б.А.Сибренникова, А.С.Мельничука, В.М.Русановского.

Авторская концепция зависимости градуирования от оценки, эмоциональности и целевой установки поворающего сформировалась под воздействием работ Э.Сепира, А.Вежбицкой, Е.М.Вольф, Н.А.Арутюновой.

В конкретном семантическом анализе лексических и грамматических единиц мы опирались на идеи семной иерархической структуры слова, семантической организации лингвистической памяти, семантической значимости констатирующих элементов, зависимости грамматического значения единицы от лексического значения и узкого и широкого контекста (работы А.Р.Лурия, А.А.Леонтьева, Д.С.Степанова, Г.А.Золотовой, В.Н.Телия, И.Р.Выхованца).

В своей трактовке функционально-семантической категории мы

-
1. См. исследования В.В.Виноградова, Г.А.Золотовой, Н.А.Ивановой, М.А.Бушмелева, А.П.Комаровой, Г.А.Меновщикова и др.
 2. Проблема широко исследуется на материале разных языков, см. работы В.З.Панфилова, И.И.Убина, Л.Д.Чесноковой, Н.С.Черкинин, Е.Н.Сергеевой, Г.Г.Галич, К.Т.Рсаднинова, Е.И.Шейгал, Л.В.Азаровой, Т.Г.Линник, Ю.П.Князева, М.И.Расуловой, Моралеса К., В.А.Мальцева, С.А.Швачко, И.И.Туранского, И.Х.Абдуллаева.

исходим из приоритетности когнитивной функции языка: человек вступает в общение для того, чтобы передать содержание своей мысли, или скрыть, или исказить; любые прагматические моменты также осмыслены, равно как и эмоциональные, если они представляются в языке, а не являются аффективным порождением звуковых нечленораздельных комплексов.

Смысловым стержнем, вокруг которого формируется функционально-семантическая категория меры, является логическая категория меры, которая, по Г.В.Ф.Гегелю, есть: а) единство качества и количества; б) взаимосвязь и взаимообусловленность определенного качества и определенного количества; в) противоречие между качеством и количеством и г) узловая точка на линии перехода количества в качество.

Естественно, что здесь возникает вопрос, как соотносятся между собой лингвистическая функционально-семантическая категория и логическая, а также во многом преувеличиваемая исследователями опасность подмены лингвистической категории логической или необоснованного включения логической категории в лингвистику.

Как попытка решить дилемму лингвистического и логического в лингвистике возникает идея понятийных категорий, представляющих, в современной терминологии, разные уровни обобщения онтологически значимого содержания языковых единиц (О.Есперсен, И.И.Мещанинов). Это не столько способствовало решению проблемы, сколько смягчило её остроту: произошло движение от глобальных, общечеловеческих эпистемологических категорий к категориальности слова. Философское и логическое знание также двигалось в этом направлении, устраняя резкий разрыв между понятием и категорией.

Проблема правомерности интерпретации логической категории в лингвистике снимается положением о лингвокреативном характере мышления, со всей остротой сформулированном В.Гумбольдтом и Г.В.Ф.Гегелем, подхваченном впоследствии Э.Сепиром и Б.Л.Уорфом и, наконец, положенном в основу целого направления неопозитивизма - лингвистической философии. Современная лингвистика обнаруживает стремление рассматривать язык как *logos* - в единстве речи и разума. Именно те лингвистические категории, которые опираются на категории мышления, являются универсальными, и их разработка - важнейшая задача функциологии: "В идеале описание языков от значения к форме должно строиться на основе универсального семантического

языка, однако мы пока очень далеки от решения этой задачи"¹. Подмена лингвистической категории логической невозможна и практически, поскольку анализ в функциональных исследованиях идет челночным путем: от содержания, функции к форме и обратно.

Признавая правомерными попытки размежеваться и найти разные имена для соотносительных лингвистических и логических категорий (каждая наука должна иметь свой объект), мы считаем допустимым, разумным и более того – целесообразным оставить общую номинацию: категория *м е р ы*, ибо главным объектом науки о языке полагаем человека говорящего, мыслящего, действующего.

Учитывая тот факт, что определяющей характеристикой бытия выступают качественно-количественные отношения, становится ясно, какое место занимает идея меры в реальной жизни людей, восприятию и трактовке мира и выражении его в языке². Анализ функционально-семантической категории меры проливает свет на сложную проблему взаимоотношений понятийного содержания лингвистической единицы и её семантики в очень интересном и важном разрезе.

Ф у н к ц и о н а л ь н о - с е м а н т и ч е с к а я к а т е г о р и я м е р ы – это лингвистическая категория, образуемая оппозицией значений *у с и л е н и я / о с л а б л е н и я* на фоне нормы и манифестируемая средствами всех языковых уровней. Функционально-семантическая категория меры, как она развивается в языке, уже в силу своей природы испытывает на себе влияние социальных, национально-культурных и психологических факторов, оказывается сопряженной с оценкой, эмоциональностью, телеологией, экспрессией. Определение их взаимодействия на основе заданного мыслительного содержания обладает большой эвристической значимостью для лингвистики. Анализ и интерпретация категории меры в данном ключе при удаче способны дать сколок духовной жизни народа.

Цель и задачи исследования. Работа предполагает теоретическое обоснование и комплексный анализ функционально-семантической категории меры в современном русском языке в русле когнитивной лингвистики. Достижение этой цели связывается автором с решением сле-

-
1. Алпатов В.М. О способах построения функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. – М:1985. – С.54.
 2. / мера / есть конкретная истина бытия; народы поэтому почитали в мере нечто неприкосновенное, святое. – Г.В.Ф.Гегель. Наука логики. Т.1. – М:1970. – С.422.

дующих задач:

1) методологически обосновать функционально-семантическую категорию меры в русском языке, определить её лингвистический статус, выявить категориальные варианты содержания;

2) описать средства реализации категории меры на всех языковых уровнях; осуществить попытку организации функционально-семантического поля меры;

3) осветить взаимодействие функционально-семантической категории меры и социально-психологического концепта онтологической нормы, определить свойства шкалы меры;

4) установить причины и характер расхождения п. степени онтологически значимого и семантически реализованного признака;

5) изучить влияние частеречной семантики на степень признака, а также специфику актуализации мерного аспекта посредством грамматических категорий, включающих в свое содержание качественно-количественные отношения;

6) уяснить направление и характер детерминации между значением меры, с одной стороны, и аспектологическим и эмоциональным факторами - с другой;

7) исследовать влияние стилистических маркеров и других коннотативных элементов на реализацию мерного аспекта в слове.

Объект исследования. Уже по определению, анализ функционально-семантической категории должен опираться на известное когнитивное содержание, каковым и является в нашем случае понятийный компонент меры, актуализированный лингвистическими единицами всех уровней в сторону усиления или ослабления, - в оппозиции к норме. В качестве релевантных принимаются различные формы актуализации: толкования в словарях, семантическая интерпретация форм в системных и частных грамматических исследованиях, а также собственно языковая актуализация посредством сочетаемости, контекста, фигур противопоставления, градации, амплификации, гиперболы, метонимии, литоты, модальных единиц, мотивирующих выбор слова и т.п. Исходя из этого, в качестве материала исследования использовались а) словари: Словарь русского языка. В 4-х т. - М:1981-1984; Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. - М:1970-1971; Кузнецова А.И., Ефремова Т.Р. Словарь морфем русского языка. - М:1986; Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. - М:1985; Басмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. - М:1964-1973; Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. -

М:1977; Убин И.И. Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков. - М:1987;

б) результаты конкретных формально-грамматических и структурно-семантических исследований, в: первую очередь данные системных грамматик: Русская грамматика. В 2-х т. - М:1980; Русская грамматика. В 2-х т. - *Резана* : 1970;

в) авторские выборки лингвистических единиц с актуализированным признаком меры из текстов разных жанров - всего 14 тыс. карточек. Сплошной выборке подвергнуты художественные и публицистические произведения, опубликованные в журналах "Новый мир", "Дружба народов" (оригинальные), "Огонек", "Юность", частично в газетах "Известия" и "Комсомольская правда" за 1988-1990г.г., а также отдельные тексты А.Пушкина, Т.Шевченко, М.Цветаевой, А.Белого, Л.Андреева, А.Вознесенского, В.Хлебникова, С.Кирсанова и др., материалы I съезда народных депутатов СССР ("Известия"); картотека включает записи устной кодифицированной речи (телевидение) и обиходной речи, а также данные лингвистических экспериментов.

Методика исследования базируется на функциональном подходе к языковому содержанию, предполагая движение от значения, функции к форме. Задача репрезентации функционально-семантической категории диктует главенство описательного метода, однако необходимость её аргументации, включая доказательство наличия той или иной меры признака в единице, установление её взаимосвязи с другими лингвистическими факторами влечет применение различных частных методов лингвистического анализа. В зависимости от этапа исследования используются метод оппозиционного анализа, базирующийся на предваряющем его компонентном анализе, метод ступенчатой идентификации, элементы дистрибутивного, трансформационного анализа, статистический анализ, лингвистическое анкетирование, а также метод интроспекции.

Научная новизна исследования заключается в постановке проблемы и обосновании функционально-семантической категории меры в языке, определении её лингвистического статуса, впервые проведенном комплексном анализе категории меры и описании способов её реализации на всех языковых уровнях. Изучена взаимосвязь компонента меры с предметно-логическим содержанием слова, оценкой, эмоциональностью, стилистическими маркерами; его место в семантической структуре слова и роль в процессах лексической и семантической деривации. Исследован механизм взаимодействия семантической катего-

рии меры и грамматических категорий числа, степени, способа действия, падежа, а также частеречного категориального значения. В этой связи на защиту выносятся следующие положения:

1. Функционально-семантическая категория меры организуется под методологическим воздействием логической категории качества и количества. Идея меры может представлять единство качества и количества признака, и в этом случае она присуща любой лингвистической единице, обладающей качественным признаком, являясь её сущностью. Здесь мера способна автономно выразить любую степень признака, высокую или низкую; разрушение единства качества и количества приводит к нарушению меры и переходу к другой сущности с свойственной ей мерой.

2. Качество и количество в движении дают узловое ряд меры, в котором каждая единица, являя собственную меру, одновременно представляет этап движения, разворачивания признака в рамках меры высшего порядка (например в синонимическом ряду). И в этом случае идея меры находится в зависимости от концепта нормы.

Именно этот аспект категории меры обладает особой значимостью, ибо служит механизмом отбора средств в процессе общения.

3. Функционально-семантическая категория меры, как любая другая лингвистическая категория, формируется на основе оппозиции значений – интенсивности и релаксивности и обладает материальными средствами их представления.

4. Функционально-семантическая категория меры носит универсальный характер, она всеобща, вариативна как внутри языка, так и в межязыковых переходах.

5. Концепт нормы находится под сильнейшим воздействием антропогенных факторов: индивидуальная субъективность восприятия, эмоциональное отношение, оценка, прагматическая цель. На языковом уровне релевантными оказываются социальное состояние общества, национально-культурный аспект, фактор времени. Традиционное помещение нормы в центре параметрической шкалы и её совмещение с положительным флангом на аксиологической шкале требует уточнения. Поскольку параметрическая шкала может быть осмыслена аксиологически, если к ней приложится человеческий интерес, а оценка отрывается от интеллектуального содержания только в ругательствах, полагаем, что и на шкале оценок норма стремится поближе к центру, к рубежу между "хорошим" и "плохим", но в зоне "хорошего".

6. Ввиду взаимодействия многих факторов, шкала меры не отли-

чается строгостью градации. Единицы на флангах усиления - ослабления размещаются группами, вступая внутри групп в отношения взаимной конкуренции по различным линиям. Вместе с тем, теоретически сложная проблема градуальности легко решается в речи путем выведения баланса. Шкала меры по преимуществу обнаруживает тенденцию к асимметрии в сторону усиления и отрицательности.

7. Функционально-семантическая категория меры обладает мощным и гибким аппаратом выражения на всех языковых уровнях. Семантика усиления и ослабления репрезентируется аффиксами, сочетанием с квантификаторами, специализированными синтаксическими конструкциями, имплицитно представляется корневой морфемой, переносным употреблением слова, грамматическими категориями. Сема интенсивности отличается устойчивостью при любых семантических процессах и способностью к эскалации.

Теоретическое и практическое значение работы. Выполненная работа восполняет пробел в лингвистике функционально-семантических категорий, дает возможность осмыслить в новом ключе градационные средства языка. Результаты исследования важны для решения таких вопросов теоретического языкознания: взаимоотношение языка и мышления, логического и лингвистического; взаимосвязь и взаимодействие семантических компонентов слова; механизм взаимодействия лексической и грамматической семантики; влияние коннотативных элементов на предметно-логическое значение слова; зависимость функционально-семантического поля от уровня абстрактности категории; роль антропогенного фактора в реализации языковых функций.

Материалы диссертации, наблюдения и выводы нашли применение в практике преподавания вузовских курсов современного русского языка, общего языкознания, спецкурсов и спецсеминаров, в руководстве научно-исследовательской работой студентов. Они могут быть полезны в лексикографической практике при составлении семантических, идеографических словарей, при разработке учебников, пособий, дидактических материалов по русскому языку для нерусских.

Апробация работы. Основные положения работы докладывались и обсуждались на заседаниях Ученого совета Института языковедения им. А.А.Потебни АН Украины, Отдела русского языка Института языковедения им. А.А.Потебни, кафедры общего и русского языкознания Черкасского государственного педагогического института и кафедры русской филологии Высшей педагогической школы в Быдгощи (Польша), на Всесоюзных лингвистической (Дрогобыч, 1990) и философской (Ма-

риуполь, 1991) конференциях, на республиканских и межвузовских лингвистических и философских конференциях (Кировоград, 1984, 1985, 1987; Ивано-Франковск, 1990; Дрогобыч, 1990; Донецк, 1989; Черкассы, 1992; Харьков, 1991). Материалы диссертации использовались в спецкурсах и спецсеминарах по проблемам семантики, прочитанных автором в Черкасском педагогическом институте и Высшей педагогической школе в Бьдгощи. Различные аспекты исследуемой проблемы отражены в 29 публикациях.

Содержание работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованной литературы и приложений.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются цели и задачи исследования, раскрывается научно-теоретическая и практическая значимость и новизна работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава "Функционально-семантическая категория меры как объект лингвистики" призвана обосновать объект исследования, очертить базовые свойства категории, аргументировать авторскую позицию в решении спорных методологических вопросов лингвистики, детерминирующую видение изучаемой проблемы.

В первом параграфе анализируются возможности функциональной исследовательской парадигмы в лингвистике. Выдвижение функционализма на передний план современной науки связывается автором не только с логикой движения знания от сущности к явлению и далее по спирали, но и с известным научным пессимизмом, склоняющим ученых к анализу я в л я ю щ и х с я сущностей, функций. Особенная плодотворность функционального направления в лингвистике обусловлена трансцендентной природой языка, который изначально устремлен за свои пределы.

Во втором параграфе рассматривается взаимоотношение логической и грамматической категорий и аргументируется правомерность выделения функционально-семантических категорий на базе логических категорий - ввиду лингвокреативности мышления и логичности языка, выражающейся в категориальности: "Во все, что для человека становится чем-то внутренним, вообще представлением, во все, что он делает своим, проник язык, а все то, что он превращает и выражает в языке, содержит в скрытом ли, спутанном или разработанном виде некоторую категорию"¹.

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.1. - М., 1970. - С.82.

Здесь же обосновывается ведущее положение функционально-семантической категории как инструмента анализа, в то время как функциональные исследования последнего времени обычно во главу угла ставят функционально-семантическое поле.

Поле по своей природе представляет исследовательский конструкт, теоретическую модель, которая в случае удачного построения может дать новое знание об объекте. Однако всеобщий характер категории меры, пронизывающей всю языковую структуру, наличие сложных и многоплановых связей между средствами её реализации, а также неоднозначная детерминированность оценочным, эмоциональным и телеологическим факторами ведет к тому, что структурная модель меры представляет не поле, а многомерную пространственную фигуру, своего рода "многогранник Рубика", который в собранном виде мертв и ничего не говорит о внутренних связях, потому и ^{не} имеет теоретического смысла.

Конструирование такого глобального поля не имеет и практической пользы, так как ввиду громоздкости и многомерности не может удерживаться человеческим сознанием, в котором семантическая информация содержится в виде фреймов, построенных на предметно-логических интегральных компонентах, в то время как сема меры является дифференциальной.

В этой связи теоретический и практический интерес представляют механизмы усиления и ослабления признака при условии их формализации, а также межуровневая солидарность и конкуренция в выражении актуализированного компонента меры, которые и являются предметом изучения в реферируемой работе.

Поскольку любой анализ по определению предполагает членение объекта, в работе в качестве исследовательской модели была принята уровневая система языка, как наиболее приемлемая для комплексного изучения категории такого высокого уровня абстракции.

Взаимодействие разноуровневых средств репрезентации актуализированного признака меры наблюдается в речи, где посредством реализации функции усиления/ослабления разрешается **категориальная ситуация** меры, а их накопление в тексте (отрывке) формирует соответствующую **категориальную доминанту**, которая является важнейшей характеристикой его содержательной стороны и прагматической направленности.

Третий параграф посвящен характеристике свойств категории меры, обусловленных её логической этиологией и лингвистическим быти-

ем. В первую очередь подчеркивается онтологическая и гносеологическая значимость категории и их преломление в языке в аспектах ономазиологическом и семасиологическом (применительно к участникам речевого акта). В этой связи демонстрируются разные меры в языке: внешняя, дающая возможность идентификации звуковой единицы [дом], внутренняя - определение на основе учета качественно-количественных характеристик концепта ('дом') и мера как сущность - слияние внешнего (форма) и внутреннего (содержание) - лексема дом. Качественно-количественные изменения на каком-то этапе разрушают равновесие формы - содержания, скачкообразно формируя новую сущность со свойственной ей мерой. При условии сохранения содержательной связи между образующими единицами формируется у з л о б о й р я д м е р ы, например синонимический, в котором каждая единица представляет собой не только самодостаточную сущность (алый), но и узел (алый, пурпурный, багряный...) сущности более высокого порядка (красный "цвета крови"), и так далее, насколько позволяют анализирующие и синтезирующие возможности человеческого сознания.

Лингвистический интерес в разрезе когнитивной функциональной лингвистики, собственно антропологической лингвистики, представляет мера как член узлового ряда мер, и именно так она представлена в работе.

Категория меры является всеобщей и универсальной, о чем свидетельствуют многочисленные исследования отдельных её фрагментов, аспектов на материале разных языков.

Лингвистическая специфика категории меры состоит в первую очередь в в а р и а т и в н о с т и внутриязыковой (степень, предельность, тотальность, кумулятивность, размер, скорость и т.п.) и межязыковой, которая связана с особенностями проявления категории меры в разных языках, то есть различиями в мерном аспекте языковой картины мира, формирующими идиостильный среол как отдельных слов, так и категории в целом. Так, русскому языку свойственно стремление к усилению признака, к крайности, что находит проявление как в языковой системе (преобладание средств и способов усиления, а не ослабления), так и в речевой деятельности (более высокая их частотность).

Ш к а л ь н а я о р г а н и з а ц и я движения какого-либо признака обусловлена в первую очередь характером нормы. Норма - точка отсчета, и естественно, что она детерминируется антропогенными факторами, в зависимости от которых различаются различные виды нормы.

Норма-с т а н д а р т организует параметрическую шкалу - она релевантна для языка и является способом познания и восприятия качественно-количественной стороны мира носителями того или иного языка. Норма-стандарт - это базовая норма, другие виды норм формируются, отталкиваясь от нее.. Норма-стандарт формируется национально-культурно-исторической общностью и варьируется по языкам. Аксиологическая шкала ориентируется на норму - и д е а л, в ней больше общечеловеческого содержания; "хорошо" - это норма, а "плохо" - нет. Однако в условиях градации включаются факторы "стандартизации" добра и зла, которые, следовательно, также варьируются как по языковым, так и по более мелким общностям людей. При этом идея аксиологической нормы стремится к начальным этапам движения позитива, граничащим с оппозитивной оценкой негативности; то есть норма - это то, что оторвалось от негатива и двинулось в сторону позитива. Такая интерпретация, с одной стороны, согласуется с оценкой Н.Д. Арутюновой о том, что позитив, осмысляясь как норма, ведет себя как не-норма - о нем говорят¹; с другой стороны, она является подтверждением идеи З.Фрейда о том, что человек не создан для счастья и простое избегание страдания видится ему таковым (ср. не пьет, не курит, не гуляет). Таким образом, на частнооценочной шкале зона нормы находится также на рубеже - позитива и негатива.

П о д в и ж н ы е нормы, используемые при различных типах сравнения, когда в качестве точки отсчета берется произвольно выбранная мера, также опираются на языковую семантику приписываемого признака; так, высок, как Петя уже не может быть 'низким', 'средним', - а конструкции: он выше (умнее, красивее) Пети, но все равно мал (глуп, некрасив) и он глупее (ниже, некрасивее) Пети, но все равно умнее (высок, красив), - требуют языковых усилий и редки.

На норму-стандарт ориентируются и языковые средства градации признака, в то время как к другим типам норм они только приспособиваются (например, частица только имеет ограничительную семантику, таким образом она способна выразить нарушение нормы ожидания в сторону умаления: подарили только 100 рублей - ждали больше). Именно поэтому в работе основное внимание уделяется анализу градационных средств относительно нормы-стандарта.

Узловая шкала меры разворачивается от позиции нормы в сторону усиления и ослабления, причем шаги движения не отличаются рав-

номерностью, напряжение возрастает к флангам (явление получило в лингвистике наименование "закона краев шкалы"), а середина (норма) оказывается зачастую либо лексически не выраженной, либо носит пустые номинации типа средний, нормальный; шкала характеризуется также асимметричностью в сторону усиления и отрицательности.

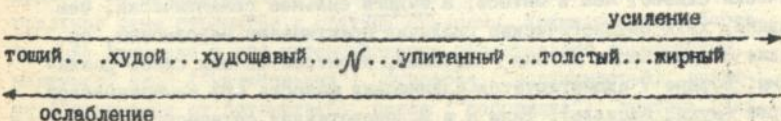
Сформированный на основе дескриптивного значения градационный ряд меры подвергается разрушающему воздействию прагматического фактора: практическое отношение к миру вступает во взаимодействие с теоретическим его осмыслением.

Правые и левые фланговые единицы обладают потенциальными экспрессивными свойствами, что ставит вопрос о взаимоотношении актуализированного компонента меры (усиления/ослабления) и экспрессии.

Ввиду того, что авторская концепция строится на приоритетности когнитивной функции языка, а экспрессивность рассматривается как категория речевой деятельности, между семантической категорией меры и экспрессивностью устанавливаются причинно-следственные отношения, хотя они не носят характера закона, поскольку актуализация категории меры может демонстрироваться коннотативными элементами, обладающими потенциальной экспрессивностью, - стилистическими маркерами например.

Во второй главе "Категория меры в семантической структуре слова" рассматривается проблема соотношения онтологического и семантического аспектов меры, взаимодействие меры и предметно-логического содержания, а также взаимосвязь усиления/ослабления признака и элементов коннотации, - то есть определяется статус актуализированного компонента меры в структуре слова.

Несовпадение онтоса и семантики в разрезе меры со всей наглядностью может быть продемонстрировано в устройстве шкалы меры. В онтологическом аспекте она характеризуется односторонностью - вправо идет усиление признака, влево - ослабление:

Семантическая интенсификация направлена от нормы к флангам, а релаксация - в центр, на норму:

усиление

усиление

← тощий...худой...худощавый (√ средний)...упитанный...толстый...жирный →

← ослабление →

← ослабление →

Устройство аксиологической шкалы не отличается в данном отношении от параметрической. Как видно из схемы, организация правого фланга совпадает, в то время как на левом фланге (умаление, отрицание) онтологическое и семантическое содержание асимметричны, они стремятся в разные стороны. При номинации в пределах левого ряда говорящий (и слушающий) вынужден осуществлять своеобразное переводрачивание идеи, представляя онтологическую малость ('тончайший') в виде превосходящем (-айш-).

В обыденном языковом сознании рядового носителя языка различия между онтосом и семантикой не осознаются. Слово (звуковой комплекс) напрямую связывается с онтосом, чем свидетельствуют материалы тестовых заданий, при выполнении которых информанты по преимуществу ориентируются по онтологическому признаку: малый > малосенький, толстый < толстенный. Интересно, что такое неразличение встречается и в лингвистике; так, например, в Словаре синонимов малосенький интерпретируется как уменьшительно-ласкательное¹.

Далее в главе выделяется 9 типов расхождений между онтосом и семантикой по уровню меры на материале лексемы.

Тип 1 и 2 составляют лексемы, в которых онтос соответствует норме, а семантика усиливает признак (врата, очи) или ослабляет его (недоуздок, подгруздь). В типах 3-4 онтологически значительные явления представлены в семантическом аспекте как норма (хорал, комета) или ослаблены (мишка 'медведь'). В типах 5-6 онтологически значительные явления соответственно отражены в семантике, однако степень может быть разной, ср. совр. деловар за счет иронии семантически слабее, чем в онтосе, а жадога сильнее семантически, чем жадина, хотя онтологические различия практически невозможны, ср. также семантически богиня > любимая, в онтосе же они слабо различимы. В типе 7 акцентируется (литическая малость при семантической норме) (муха, баццлла). Типы 8 и 9, представляя онтическую малость

1. Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. Т. I. - М.: 1970. - С. 524. Ср. трактовку суффикса -осеньк- как усилительно-ласкательного в: Русская грамматика. Т. I. - М.: 1980. - С. 300.

выделяются по направлению движения. Усиление семантики корней с онтологической незначительностью влечет за собой их онтологическое умаление (узенький, легохонек, малюсенький), а ослабление семантики - онтологическое усиление (худошавый, сухошавый).

В реальном языковом бытии онтологическое и семантическое содержание находятся в состоянии конкуренции и подвижек, обусловленных изменениями в общественном сознании; ср., например, усиление признака при отрицательном переосмыслении слов сталинизм, большевизм.

Взаимодействие меры и предметно-логического аспекта рассматривается в работе на материале семантических дериватов, ибо в условиях семантического движения меры актуализируются, естественным образом возникает база сравнения - интегральная сема, делающая возможным установление как направления, так и характера детерминации изучаемых аспектов семантики, в то время как лексема в статике представляет неразрывность качества и количества в единой мере.

Семантический перенос в любом случае изначально обречен на изменение меры признака, поскольку он формирует новую семантическую единицу со свойственной ей мерой; другое дело, что мерный аспект может не войти в актуальный смысл деривата, - в том случае, если целью переноса было образное сравнение сущностей, картинность, иносказание и т.п. Как правило, при таком переносе задействовано большинство сем производящей базы, например: Под лаской плюшевого пледа вчерашний вызываю сон // Я видела бессонницу леса и сон полей (И.Цветаева); сформированные значения характеризуются собственной мерой "ласковости", "бессонницы", "сна", но она, будучи не востребованной, также не требует для себя места на шкале меры; то есть она выступает здесь как единство качественно-количественных отношений, но не как член узлового ряда меры.

Перенос предметной семантики на базе ограниченного числа сем ведет к их абсолютизации, детерминируя усиление признака, - интегральная сема стремится к статусу архисемы. Яркие образцы абсолютизации признака и его интенсификации представляют зооморфизмы, например: клоп ("малюсенький"), стрекоза ("подвижность"), кукушка ("отречение от потомства"), пчела ("работящая"), трутень ("издивенец") и т.п. Ослабление признака наблюдается очень редко и вызывается дополнительными факторами, чаще иронией и переосмыслением оценок: Никаких угарных романов (Е.Ржевская); отец народов; бывший красный Лев Революции - Троцкий (Л.Лиходеев).

АНБ им. В. Стефанова
АН УРСР

Семантический компонент интенсивности обнаруживает устойчивость и склонность к эскалации - при переносе он не только исчезает, но обычно еще усиливается: море шумело - море радости; крупица песка (маленькая частица) - крупица правды (очень малое количество чего-либо).

В некоторых переносах функция усиления рождается из столкновения компонентов и ни один из элементов не может быть интенсификатором - в этом случае изменяется мерный аспект всей синтагмы; ср.: веселая злость захлестывала его все больше и больше (Д.Домбровский) - злость "веселеет", а веселье "злит"; такое умножение семантических структур дает значение высокой степени возбуждения, какого нет ни в одном из компонентов. Ср. еще: лунное одиночество (А.Ким), дыловая злоба (Б.Пил. няк), тоскливая глина; стоит среди равнины нашей страны; история уж скончалась; общество распустили навсегда (А.Платонов).

Более высокую степень абсолютизации признака представляет символ, ср. котлован (идея А.Платонова), манкурт (идея Ч.Айтматова). В функции символа широко используются исторические лица, литературные герои, национальности, географические объекты, события и т.п., например: Мата Хари - символ авантюризма, Лу Саломе - женской привлекательности, Ницше - стилистической утонченности (согласно А.Белому), Левитан - мужской красоты (согласно А.Чехову); Чикаго - абсолютное воплощение преступности, Эль-Кувейт - нефтедолларового расцвета; Чернобыль - грандиозность катастрофы (Это новый Чернобыль).

Активность семантического аспекта меры обнаруживается не только в его возрастании в процессе семантических сдвигов, но еще более в том, что он сам способен служить базой для семантического развития.

В результате такого функционирования происходит предметно-логическое опустошение слова. Степень такого опустошения может быть различной - от семантической диффузии до грамматикализации, и определяется она по характеру сочетаемости. Предельное расширение сочетаемости лексемы ведет к обеднению конкретной семантики, в то время как сема интенсивности, будучи единицей высокого уровня абстракции, сохраняется. Она и формирует основную функцию лексемы в новых условиях - функцию интенсификации (в словарях дается по преимуществу как отдельный ЛСВ).

В зависимости от степени опустошения предметной семантики в

пользу сема интенсивности можно условно выделить чистые интенсификаторы, стремящиеся к статусу грамматических показателей признака, и семантические диффузы, в которых следы предметного содержания сохраняются, несмотря на постоянное расширение круга сочетаемости.

Чистые интенсификаторы формируются на основе базовой архисемы интенсивности/релаксации за счет предельной (теоретически неограниченной) сочетаемости: большой, исключительный, гора, чрезмерный, крупница, капля, кутко, жарить, ужасно и т.п., например: Чрезмерность этого разговора действовала на него почти физически (В. Домбровский); Соболев снова надолго исчезал, оставляя после себя гору разрушений (Ф.Бурлацкий); Громадный город... буйно функционирует, хмуровато дымит трубами, глухо грохотал и пульсировал, постепенно затихая позади едущей машины (А.Ким).

На пути движения ЛСВ к статусу чистого интенсификатора возможны ограничения аксиологического плана: крайний + нигилизм / неуверенность / глупость / апатия / бедность, но не радость; впечатляющий + достижение / успех / результат / победа, но не поражение.

Вместе с тем сема интенсивности изначально заряжена такой активностью, что, даже не будучи архисемой в исходном слове, способна подавить и аксиологический, и предметно-логический аспекты, например: глубокое небо, бездонная тоска, безбожно путать, чертовски красив, отчаянное тряпье (Б.Пильняк).

Поскольку разрыв с предметно-логическим содержанием всегда труден, сформированные путем переноса интенсификаторы чаще представляют собой семантические диффузы, ограниченные в выполнении своей функции какой-то сферой: бесчеловечный + жестокость / пытка / отношение / труд / эксплуатация (сфера, требующая соблюдения человеческой меры), внимательный + взгляд / осмотр / изучение / исследование / подход (сфера восприятия), например: тяжело набухла печаль Станислава (С.Липкин), трудная жалость (А.Платонов), железный труд (А.Серафимович) и др.

Квантитативный и качественный аспект метонимических переносов обусловлен нацеленностью человека на "положительное" и "большое", ср., например: у меня тоже голос, я тоже хочу петь (то есть хороший голос); он пьет (то есть много пьет); у него давление (то есть высокое давление) и др.

В работе также определяется статус актуализированного компонента меры относительно коннотации, в которой автор различает и о-

д у с ы изменения онтологически значимого содержания и с п о с о б ы, характер этого видоизменения.

Эмоциональный, аксиологический и телеологический модусы взаимодетерминированы и находятся под сильным воздействием субъективного фактора. Однако, поскольку в речевой деятельности субъективность не осознается, а цель скрывается, как лингвистические категории, обладающие эксплицитностью семантики, в работе рассматриваются оценка и эмоциональность. Тесное взаимодействие меры, оценки и эмоциональности наблюдается в различных языках¹.

Связь оценки и меры исследовалась в ходе комплексного лингвистического эксперимента по семантическому шкалированию по методу Ч.Осгуда. Ответы 50 испытуемых, оценивающих меру признака синонимов по семибалльной шкале по параметрам: пассивность/ активность, покой/ возбуждение, слабый/ сильный, малый/ большой, хороший/ плохой, полезный/ вредный, продемонстрировали солидарность меры и оценки: чем выше в баллах мера признака, тем выше оценка. Эксперимент проводился также в украинской аудитории на материале эквивалентных синонимических рядов в украинском языке. Результаты аналогичны. Они подтверждают идею о том, что в языке "много" осознается как "хорошо", "мало" - "плохо".

Хотя теоретически эмоциональная оценка не нуждается в основаниях (и даже сама может служить основанием), практически она также основана на дескрипциях, что дает основания говорить о единой градационной оценочной шкале, включающей рациональные и эмоциональные элементы (в русском языке, по данным Л.А.Киселевой, 25% эмоционально-оценочной лексики не имеет нейтральных соответствий)². Выбор говорящим в речи той или иной единицы осуществляется в ходе конкурентной борьбы по параметрам меры, оценки и эмоции.

Коннотативным модусам в работе противопоставляются коннотативные средства, которые скорее техничны, нежели семантичны, ибо они не имеют значения, но указывают на него. Одним из таких косвенно репрезентируемых значений (через эмоциональный и оценочный модусы) является мера. В числе средств, как-либо сопряженных с мерой, в работе рассматриваются, кроме традиционных стилистических

1. Ромлитвейт М. Слова, значения, сообщения // Психоллингвистика за рубежом. М: 1972. - С.67-68.
2. Киселева Л.А. О некоторых типах лексического значения слова // Труды по русскому языку. Уч. зап. ЛПИ им. А.И.Герцена. - Л:1969, т.324. - С.271.

маркеров, иноязычность, архаичность, новизна, ироничность, идеологичность, живая внутренняя форма и акцентированная внешняя форма. Такой подход к стилистике (все, за вычетом концептуального) заложен в работах Ш.Балли.

Изучение градуальной интерпретации синонимических рядов в Словаре синонимов в 2-х томах выявило взаимосвязь высокой меры признака с маркерами: высокое/книжное, заимствованное, разговорно-просторечное, необычное/редкое/непонятное; в плане способа представления семантики значимы внешняя форма, привлекающая внимание игрой и непонятностью, и внутренняя форма (действие, невозможность действия, отрицание). Ср. некоторые примеры: превосходство (кн.) > перевес; желание < вожделение (кн./ст.сл.); рукоплескать (внутр. форма) > аплодировать (стертая чуждость); пустота < вакуум (заимств.). В случае столкновения названных факторов в одном ряду, победу предугадать трудно.

Наблюдение получило подтверждение в ходе эксперимента, где испытуемые (50 чел.) оценивали по мере признака двучленные и трехчленные синонимические ряды. В паре иноязычное - русское более интенсивным мыслится чужое (нванс > оттенок, прогрессивный > передовой, апломб > самонадеянность), но оно уступает книжным старославянизмам (предсказание > прогноз, испытание > экзамен, деяние > акт, дар > талант), отрицательные лексемы интенсивнее положительных синонимов (бесплодный > несравненный > отличный, непоколебимый > стоический > отличный).

Детерминация движения семантической меры признака коннотативными средствами сопряжена с их общей нацеленностью на не-норму.

В третьей главе "Механизм разворачивания категории меры в структуре лексемы" последовательно анализируются корни с имманентно актуализированной мерой, аффиксальная интенсификация и релаксация, реализация функции меры в сложениях разных типов, выражение меры путем негации и взаимодействие идеи меры и ласкательной и уничижительной коннотации в аффиксальных дериватах.

Градуальность может быть имплицитно задана в корне: крах, террор, бледный - интенсивы и релаксивы, может эксплицитно выражаться словообразовательными морфемами (интенсификаторами, релаксаторами): пре-добрый, розов-атый, холод-ище - интенсификаты и релаксаты.

На материале интенсивов и релаксивов в работе рассматриваются варианты меры, обусловленные предметной отнесенностью слова,

например, с и л а: химера страха, сидевшая в нем / медведе /, выросла и стала сильнее его... (А.Ким), предельность: Апогея своего это социальное иждивенчество достигло в системе Минводхоза СССР (С.Зальгин), с т е п е н ь: цивилизованные ныне европейцы стары и потому чванливы (Л.Гумилев) и др.

Корневая имплицитная семантика меры обнаруживает явную асимметрию в пользу правого фланга шкалы и отрицательности.

Проблема выражения значений усиления и ослабления признака аффиксальными средствами достаточно изучена, однако вариативный подход к мере позволил выделить целый ряд словообразовательных моделей - интенсификатов и релаксатов, которые последовательно описаны в работе с опорой на данные словарей и грамматик, а также функционирования единиц в соответствующих текстах.

В наиболее абстрактном виде - в варианте степени - субкатегория интенсивности проявляется в аффиксальной деривации имени прилагательного. Семантика высшей и предельной степени выражается моделями типа: преотличный, развеселый, сверхдалний, суперэффективный, ультраправый, экстремодный, архиважный, наивысший, богатейший; усилительный характер признака представлен моделями: малосенький, здоровенный, богачущий; чрезмерность - перевозбужденный, чрезмерный; избыточность - залесенный; превышение - гиперзвуковой; интенсивность - зубастый; множественность - людный, холмистый. Кроме этих, традиционно выделяемых моделей, в работе трактуется как семантический вариант категории интенсивности значение "склонный к чему-либо", реализуемое моделями: удойливый, колкий, оборотистый, плакучий, говорливый, завидующий.

На основе идеи количества формируется функция интенсивности и в структуре моделей типа: бородатый (большой размер), прыщавый (большое количество), заоблачный (большая высота), трансконтинентальный (большое расстояние), разлапистый (большое пространство).

Те же варианты интенсивности представлены и в структуре имени. Кроме семантики интенсивности, увеличительности, чрезмерности, высшей степени, множественности, превышения (модели: резня, губан, скулеж, теплень, конфетина, кулачище, месиво, перезибыток, расподлец, сверхприбыль, экстра-класс, архиплут, суперзвезда, гиперинфляция, ультрамода), также широко представлено "значение склонности": политик, догматик, фразер, сидень, грамотей, враль, театрал, пл.кса, гулена, плакуша, гуляка.

Имена существительные представляют собой интенсификат, если

называют человека по характерному для него признаку (телесному или психическому): носач, горбун, великан, святоша, жадоба, смирена, тихоня, нескладеха, кудряш, сластена, пискля, злюка, жадина, - при этом зачастую с оттенком неодобрения.

Разграничение компонента экспрессии (чаще отрицательной, чем положительной) и компонента интенсивности, как явлений разного плана, позволяет идентифицировать сему усиления и в моделях: здоровида, негодяй, лентяй, святыня, богатея, дуралей, жидель, голытьба, литературщина, гордыня, брызга, зубрила, деляга, побироха, питух, торгаш, владыка, кислятина, пьянюга, зверога, штормяга, холодюка, речуха. Функция интенсивности в вариантах "высший в иерархии", "основополагающий" реализуется в моделях: обер-прокурор, протопоп, прародина.

Аффиксальная квантитативная модификация наречий, кроме семантики предельности, усилительности (желтым-желто, быстренько, добеда, накрепко и т. п.), представлена в моделях потихоньку, полегонечку, а также рядком, тишком и украдочком, где усиливается онтологически малое.

Семантика релаксивности традиционно связывается с идеей невысокой степени интенсивности: трусца, развалец, дукавинка, потше, наглеца, оранжеватый, слабовато, прозелень, подлунуть, придремнуть, взгрустнуть, сболтнуть, побаливать, подраснивать, прирывать, наигрывать; неполноты признака или действия: недоумок, патрубок, недовыполнить, привстать; уменьшительности: горка, комнатушка, избенка и др.; а также в сочетании с единичностью: дождинка, земляничка.

В работе обосновывается реализация функции ослабления признака в вариантах: недотягивания (пухлявый, околонаучный), временного ограничения (перемирие, передремать, перекурить), подобия (сукровица, паклен), ниже в иерархии, бывший (экс-чемпион, субинспектор, подполковник, вице-президент), побочности (привкус, припевать, подпевать), пространственного ограничения (надломить), остатка (окурок, ошметок), единичности (гребок), малости (братишка, дранцо).

Наряду с этим функция релаксации наслаивается, по всей видимости, на значение "невозрослости" (волчонок, змееныш) - эта сема неполноты отмечена в Грамматике - 80 по отношению к модели подсвинок.

Анализ аффиксальных способов реализации категории меры пока-

зывает, что основную нагрузку несут префиксы (в структуре лексем разных частей речи) и суффиксы (специализированные по частям речи, однако функционально объединенные в звуковые типы). В префиксально-постфиксальных моделях определяющую роль играют префиксы, в то время как суффиксы по преимуществу формируют предметно-категориальную семантику. Префиксально-постфиксальные модели, реализующие идеи меры прямо или опосредованно, наиболее широко задействованы в кругу глагольной лексики, причем постфиксы достаточно активно влияют на количественную модификацию (многократность, однократность, возвратность).

Важным фактором формирования семантики меры является фонетическая краткость слова, достигаемая путем усечения или деривации с нулевым суффиксом (энергия звука сублимируется в энергию смысла): спец, глубь.

Исследование взаимосвязи уменьшительности как варианта меры и ласкательной и уничижительной коннотации, которая наблюдается в целом ряде суффиксальных единиц, проводится с учетом экстралингвистических факторов и в сопоставлении с украинским языком. В работе аргументируется мысль, что коннотация ласкательности и уничижительности детерминирована компонентом малости.

Факт обусловленности уничижительной окраски семантикой малости, незначительности самоочевиден, о чем не в последнюю очередь свидетельствует внутренняя форма имени: уничижительный, пренебрежительный. Представляется, что трансформация идеи малости в уничижительность произошла на базе и при поддержке наименований лица: исторически уничижительность возникла из осознания социальной "малости" одной группы по сравнению с другой (ср. Акулька, Ивашка, Елифашка и т.п. в деловых бумагах 16-17 веков).

Коннотация ласкательности вырастает из отношения к ребенку, как малому, экстраполируясь на окружающий мир: сыниска, дочурка -- птичка, лошадка, травка, солнышко. Но раз оторвавшись от ребенка, она сохраняет свои сепаратистские тенденции, стремясь оторваться от размера окончательно (липонька, полошко), однако и здесь сохраняются родимые пятна уменьшительности - в семантической структуре ласкательных дериватов всегда можно обнаружить сему, которая уменьшается, ср.: бородушка (маленькая, мягкая), зимушка (слабая), травушка (молодая, мягкая), полосонька (узкая). Тот же принцип распространяется и на наименование людей: мамуся, дедушка и т.п.; требованию солидарности с уменьшительностью удовлетворяют и ласка-

тельные формы женских имен при их употреблении мужчинами, о чем свидетельствует избегание женщинами употребления таких форм по отношению к мужчинам. Естественно, в ситуации с именами возможна десемантизация - но в таком случае она не составляет предмет анализа.

Дифференциация многозначных суффиксов по линии ласкательность/уничижительная зависит от корня: головка, трусиска (ум.-ласк. - школка (научная), страстишка (ум.-уничижит.).

В украинском языке уменьшительность более жестко связана с ласкательностью, пренебрежительная окраска наблюдается в единичных образованиях. Второе важное отличие - большая функциональная активность уменьшительно-ласкательных дериватов в украинском языке - подтверждается в работе анализом украинских переводов А.Пушкина и русских - Т.Шевченко.

Анализ реализации категории меры в процессе лексической деривации убедительно подтверждает аксиому о том, что в языке большее развитие получает идея усиления признака, но не ослабления.

Аффиксы, которые реализуют идею меры в абсолютных вариантах (степень, увеличительность/уменьшительность, предельность, полнота, тотальность) проявляют слабую зависимость от семантики корня. Опосредованное же выражение идеи меры путем временных, пространственных ограничений, абсолютизации рядовых признаков при транспозиции, подчеркивания склонностей, выделения единичного/множественного во многом зависит от семантики корня, обусловлено онтологией объекта.

Аффиксальные способы интенсификации в большинстве своем связаны с процессами модификации, особенно в кругу имен прилагательных, наречий и глаголов. В ходе мутационных сдвигов в семантике уровень признака возрастает или ослабляется за счет переосмысления предметной семантики в новом ключе, например абсолютизация признака в отадективных наименованиях лица. Аффиксы, изменяющие меру признака базовой леммы в сторону усиления или ослабления, редко выступают как однофункциональные (например -ейш-, пре-, -оват- и т.п.); чаще функция интенсификации либо сопровождает другую функцию, например наименование лица: сидень, политикан, либо является вторичной от нее - в случае негации.

Механизм разворачивания меры посредством негации рассматривается в работе в аспекте его влияния на устройство градационной

шкалы, а также сравнения функциональных возможностей отрицательных аффиксов в данной сфере.

Любое присловное отрицание затрагивает меру тем, что разрушает её, однако это разрушение вместе с тем созидательно, ибо прямо или косвенно формирует новое понятие со свойственной ему мерой, например, оценка жилья: это не бараки... предполагает жилье качеством либо выше, либо ниже, и, как правило, фраза продолжается: это лацуги (Б.Ельцин). Таким образом, присловное отрицание - это способ семантизации другого концепта, который с трудом воплощается в положительную форму, что и обуславливает их право на соответствующее место на градационной шкале меры, зачастую смешивая её. Уровень выражаемого признака может быть определен по степени синонимичности антониму к исходной основе или по возможности вставки среднего члена¹:

истинный: [неистинный = ложный];

трудный: [нетрудный < легкий];

культурный: [не совсем культурный) < некультурный].

Поляризованные аксиологические лексемы при отрицании двигаются навстречу друг другу, взаимно переходя пограничную зону и меняя плюс на минус, при этом их отдаленность от границы обуславливается направлением: отрицание плохого порождает положительный признак, однако небольшой интенсивности; отрицание же хорошего дает значительный уровень плохого, ср.: он невредный / негрубый / незаносчивый / неплохой / неглупый / некорыстный - это положительные свойства, но, образно говоря, у черты; он нехороший / неумный / нескромный / неласковый и т. д. - степень отрицательного свойства достаточно высока.

Для параметрической шкалы будет верным правило: левый фланг стремится вправо, правый - влево, пересекая зону нормы, однако не совпадая с антонимами к исходным основам; при этом обнаруживается тенденция к более значительному увеличению меры противоположного признака при негации релаксатов, менее значительному - при

1. См.: Лингвистический энциклопедический словарь. - М:1990.

- С.335,336. В этой связи вызывает возражение толкование в Словаре русского языка в 4-х т. (т.2, с.419) лексем недобрый, небольшой как полной противоположности исходной основе через синонимы, поскольку здесь возможно установление и тройного градационного отношения: добрый - недобрый - злой, большой - небольшой - маленький.

негации интенсивных лексем, ср.: нема́лый вес, неде́лкий груз, нешуточное дело, нередкие встречи, немедленный отъезд - везде речь о достаточно значительных явлениях; неактивная позиция, невысокий дом, небольшой объем, немногословный человек, неинтенсивный процесс, немудреное название - степень признака приблизительно в зоне нормы.

Более сложной природой обладает негация основ, тяготеющих на шкале меры к зоне нормы. В первую очередь сюда относятся лексемы с абсолютной неградационной семантикой. Осложнение их отрицательным аффиксом ведет к разрушению данной меры, переводит концепт в иную плоскость, например: небытие, неверующий, неволя, некультурные (земли), нематериальный. Градуальный аспект идеи меры формируется в негативе (в данном случае) как результат фоновых значений, дающих возможность сопоставить разнотипные факты.

Как уже отмечалось, лексическая номинация зоны нормы на параметрической градационной шкале совершенно мало развита: средний, обычный, нормальный, рядовой, заурядный, дожинный, ординарный. Негация данных лексем резко отбрасывает их по шкале в сторону усиления, ср.: неординарный поступок, незаурядный ум, недожинные способности, необычайное приключение, ненормальный ход событий и т.д.

Таким образом, негация градуальной семантики при помощи префикса не- дает противоположное свойство в несколько смягченном виде. Однако ориентация на норму обычая (а не онтоса) рождает резкий скачок интенсивности противоположного признака до предельного уровня^I, ср.: Дело в степени отчуждения трудящихся от результатов собственного труда. За годы военного коммунизма эта степень для большинства населения страны, крестьянства, достигла еще невиданных им размеров. Степени, как показали грянувшие восстания, невыносимой (А.Черниченко) - то есть 'выносить' тяжело, (а значит - "интенсивно"), но можно (значит норма принятия), в невыносимой она нарушена.

В работе изучается специфика выражения меры и при помощи других префиксов: без-, обез-, ни-, а-, анти-, им-, пр-, дис-. В частности, экспериментальным путем проверяется гипотеза о большей

I. Подавляющее число дериватов с приставкой не-, зафиксированных нами в такстах в результате сплошной выборки лексем со значением интенсивности и релаксивности, репрезентируют усиление признака, а не его смягчение (132 из 143).

мощности приставки без- как интенсификатора по сравнению с приставкой не-, ввиду существующего в лингвистике мнения о том, что она выражает более категорическое отрицание.

Перед испытуемыми была поставлена задача расположить синонимы в трехчленных рядах по мере признака. Результаты опроса убедительно подтвердили большую мощь интенсификатора без-: во всех случаях он опережает слова с приставкой не-, уступая лишь отдельным ярким экспрессивным позитивам, ср.:

очевидный < неоспоримый < бесспорный;
хрепкий < непробудный < беспробудный;
жадный < обжорливый < ненасытный;
отличный < несравненный < бесподобный;
непорядок < беспорядок < хаос и т.д.

Семантика меры в различных типах сложений, как показал анализ, обусловлена по преимуществу семантикой входящих в них корней (меломан, высокоотимый, светло-голубой), однако может высекаться из столкновения корней (самозабвение, своенравие - 'забыть себя' - ненормально, а 'свой нрав' есть у всякого) или переносности значения (хладнокровный).

В главе рассматривается также редупликация как способ усиления признака, а также образования с синонимическим повтором типа: любо-дорого.

В работе экспериментальным путем определяются наиболее приемлемые сложные наименования цвета, устанавливаются лексемы с высоким уровнем градуируемости и наиболее независимые от корня градуаторы.

В четвертой главе "Категория меры на грамматическом уровне" рассматриваются особенности актуализации компонента меры в свете частеречной отнесенности лексемы, анализируется мерный аспект грамматических категорий, а также квантификация качества средствами синтаксиса.

Категориальные особенности передачи семантики меры в разных частях речи обнаруживаются при транспозиции.

В языке не существует полного параллелизма между категориями предметности, действия, качества, количества и частями речи, и это служит причиной транспозиции семантики из одной части речи в другую; что является благом для языка и мышления, ибо в таком движении "мысль освобождается, а выражение обогащается и получает

различные оттенки"¹.

Абстрактные отадективные имена - *nomina qualitatis* освобождают признак от субстанции, превращают его из относительного в абсолютный (темная ночь - темнота/темень), так как временность, случайность, частность атрибута становится сутью субстантива.

При транспозиции адективного качества в глагольную сферу (хитрит, строит, полнеет, голубеет) уровень меры находится в подвижном равновесии, ослабляясь за счет потери семы постоянства и усиливаясь за счет семы активности. В таком же ключе в работе рассмотрено движение меры при транспозиции качества по линии субстантив - глагол/ адектив; глагол - субстантив/ адектив. В результате установлено, что основные факторы частеречной категориальной семантики, способствующие усилению признака при транспозиции, - это абсолютизация признака и потенциальная субъектность в абстрактных существительных; постоянство признака у существительных и прилагательных, его сущностный характер у существительных; активность, действительность глаголов, актуализация сем в глаголах и прилагательных; ослабление признака связано с временностью (или случайностью) признака у глаголов, синтагматической ролью прилагательного, разнонаправленностью сем существительного. Наречия в данном аспекте не имеют особых отличий в сравнении с именем прилагательным. Эти свойства определяют и характер проявления категории меры внутри частей речи.

Частеречная специфика реализация категории меры находится под детерминирующим влиянием нескольких факторов, однако определяющую роль играет уровень и характер к а ч е с т в е н н о с т и.

Качественность является семантической основой имени прилагательного, включая и относительные единицы². По преимуществу вторичная качественность прилагательных (непроизводных лексем очень мало) ставит мерный признак в зависимость от потенциальных сем производящего субстантива и сохраняет следы "действенности" (силы) у отдельных лексем, особенно причастий.

Труднее вовлекаются в круг градуационных средств притяжательные и порядковые прилагательные, ввиду сложности окачества, ср.: седьмой пот, тысячный раз - как знаки рубежа (значительного);

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. -

М: 1955. - С.143.

2. Виноградов В.В. Русский язык. - М:1972. - С.151-167.

мамин пирог, тещин язык и т.п.

Соотносительная оценка по мере полных и кратких форм проводится в условиях общей позиции - предиката. Большая категоричность, конкретность, активность краткой формы детерминирует и более высокую степень признака.

Специфика наречий как части речи в аспекте репрезентации категории меры состоит в том, что в кругу этого гетерогенного класса слов выделяются наречия меры и степени, которые, будучи чистым и свободным носителем идеи меры, по праву могут претендовать на роль ядра в лексическом поле меры.

Определяя по преимуществу прилагательные и наречия, они являются признаком признака, точнее, даже признаком третьей степени, выполняя роль аналитического показателя, некоей частицы. Качественные наречия, переходя в разряд степени, подчиняются и грамматическим параметрам: они теряют способность к образованию форм степеней и приобретают соответствующие синтагматические свойства: ужасно скучная книга; страшно далеки они от народа; он живет жутко далеко.

Специфика репрезентации меры в структуре глагольного слова обусловлена, в первую очередь, его высокой абстрактностью, которая конкретизируется за счет актантов. Абстрактность семантики влечет за собой предрасположенность к семантической диффузии на базе семы интенсивности - абстрактного компонента: жарить, садить, резать, чесать. Зависимость от семантической рамки порождает развитую систему способов действия: раструбить, перессориться, завалить, изолгаться, подлилить и т.п.

Во-вторых, глагольная качественность осложнена пространственно-временными идеями, которые модифицируют меру в вариантах однократности, многократности, пространственного охвата: долбануть, покалывать, спаивать, раскинуться.

И наконец, всякое действие имманентно характеризуется силой: пахнуть - разить - изливать - веять и др.

Имя существительное с точки зрения семантической есть сумма признаков, и в этом аспекте предметность качественна, а качественность градуируема, ср.: Бог - слишком Бог; червь - слишком червь; кость - слишком кость, дух - слишком дух (М.Цветаева).

Все способы возможной градации семантики конкретного субстантива основаны на выделении, активизации, даже абсолютизации какого-либо признака из их совокупности. Синонимическая оппозиция по

градуальному признаку в области конкретных существительных мало развита, однако она существует - по материалам Словаря синонимов, 177 рядов, причем 121 синонимический ряд представляет наименования человека по какому-либо свойству личности и в подавляющем большинстве своем состоит из лексических и семантических дериватов, например (усилительность подчеркнута): Знаменитость, звезда, светило, известность; умник, умница, разумник; Отверженный, изгой, пария, отшельник; Наглец, нахал, хам; Здоровяк, крепьш, здоровила; Нелюдим, дикарь, дичок.

В главе рассматриваются также числительные, местоимения, способы выражения меры при их качественном употреблении, а также модальные слова, в которых градуируется не онтологически значимое содержание, а степень достоверности его представления.

Функционально-семантическая категория меры находит опору в грамматических категориях степени, способов действия, числа и падежа.

Категории степеней сравнения формируют два фактора: операция сравнения и квантификация признака. Опора на сравнение сужает количество членов оппозиции до двух - позитив: компаратив; в случае отказа от нулевого члена категория разрушается; суперлатив стремится к абсолюту и потому выпадает из круга.

Интерпретация форм степеней на основе мерного аспекта (степени) дает двухуровневую оппозицию - позитив : (компаратив : суперлатив).

Различия в подходах обусловлены объективно существенными противоречиями между онтосом и семантикой, и решение проблемы ищется в работе на данном пути. С точки зрения онтологической, неправомерно сопоставлять позитив и компаратив, поскольку у них разные точки отсчета; следовательно, формируется две линии сопоставления - позитив : элятив (абсолютная) и компаратив - суперлатив (относительная). С точки зрения семантической, система степеней сравнения обнаруживает завидное единство, разворачиваясь на шкале меры в сторону усиления признака, ср. Петя талантлив, но наш Коля талантливее. Семантическая интерпретация осуществляется с опорой на позитив, ср. "Петя бездарен, а Коля талантливее".

Шкала, доминантой которой является степень, зависит и от операции сравнения, вернее, от круга сравнения: у компаратива (выше) - один или несколько, у суперлатива (самый высокий из) - круг шире, но он ограничен, у элятива (самый высокий) - ограничение сня-

то. Таким образом, ряд, начавшись с безотносительной некантифицированной меры, пройдя ряд сравнительной кантификации, заканчивается безотносительной, но кантифицированной мерой (предельная или высокая степень), ср.: надеяться, что в ходе политических игр наверху окажется честнейший - глубочайшее заблуждение (В.Шубкин).

Господствующее положение фактора меры по отношению к фактору сравнения подтверждается тенденцией к безотносительному употреблению форм, их образованию от абсолютных основ и других частей речи, а также контаминации, ср.: самое руководящее участие (Комсомольск-я правда); вопрос надо ставить более шире и более глубоко (сессия ВС Украины - УТ); я оказался на порядок Толстее (Л.Дуров) - от Д.Толстой; Будет вежливее, если ты зайдешь сам¹.

Грамматикализация мерного аспекта в сфере глагола осуществляется посредством категории способа действия, которая имеет лексико-грамматический статус. Реализация меры осуществляется по нескольким направлениям: кантификация силы действия, кантификация субъектов и объектов, ограничение действия во времени, краткость действия и регулярность действия; при этом факторы, обуславливающие её уровень, могут пересекаться, в силу чего в лингвистике нет единства в квалификации способов действия.

Деривация в рамках кантитативных способов действия сопряжена с мутационными сдвигами, что еще раз подтверждает единство качественно-количественных характеристик - изменение количества влечет изменение качества: зафилософствовался, загулялся.

Категория меры, формируясь на пересечении категориальной качества и количества, с необходимостью находит преломление в грамматической категории ч и с л а, при этом интерес составляют сбои в оппозиции: *Sing. tantum*, *Plur. tantum*, переносные употребления и так называемые новые *Plur. tantum*, поскольку они либо затрагивают качество, либо акцентируют специфику в организации количества.

В кругу существительных *Plur. tantum* семантика меры актуализирована в разряде со значением сложных длительных процессов, часто многократных (переборы, бега, кривотолки, сборы), а в кругу *Sing. tantum* выступают в варианте собирательности (беднота, воровье, гольфа) а также вещественности (варево, месииво). С точки

1. Пример "абсолютной сравнительной степени" из: Карцевский С.О. Сравнение // Вопросы языкознания - 1976 - №1. - С.108.

зрения онтоса, 'листья' = 'листва', но семантически листва "пышнее и гуще".

Переносное употребление *Sing. tantum* в значении единственного числа (применительно к одному лицу) придает функции усилительный оттенок: Гольтьба! // Бездарность!

Новые *Plur. tantum* формируются на основе конкретизации, типизации, обобщения в различных комбинациях из лексического материала *Sing. tantum*, вызывая усиление и ослабление семантики. Так, конкретизация семантики ведет к обогащению, но и измельчению смысла, ср.: радости жизни. Абстрактная 'радость' всеохватна, тотальна, а 'радости' дискретны, односторонни.

Усиление семантики наблюдается в случае осмысления в плане пространственной и временной протяженности: песок (как вещество) - пески (как покрытое песком пространство); холод (как температура воздуха) - холода (длительный период времени с низкой температурой воздуха).

Квантитативный аспект категории падежа, достаточно полно описанный в литературе, представлен в разветвленной системе значений родительного и творительного падежей, а также в противопоставлении форм именительного падежа множественного числа.

Из краткого обзора взаимодействия ФСК меры и грамматических категорий становится очевидным, что мера актуализируется по преимуществу в структуре лексико-грамматических категорий, отличающихся неполной коррелятивностью и ограничениями в регулярности.

Квантификация качества средствами синтаксиса касается как меры признака отдельных его конститuentов, так и меры ситуации в целом, причем последняя квантифицируется не только со стороны онтической (Чем ночь темнее, тем ярче звезды), но и в аспекте реализуемых синтаксической конструкции отношений (Но даже хоть бога к себе призови, разве можно понять что-нибудь в любви - Б.Окуджава - значение крайнего условия). Предметом анализа в работе является мера представляемой в высказывании онтической сущности; мера в аспекте металингвистическом интересует автора лишь постольку, поскольку она косвенным образом сигнализирует о мере предметного содержания, например, усиление отрицания: Нет ни жизни, нет ни смерти (М.Цветаева) - выражает тотальность ситуации.

Собственно синтаксический путь репрезентации меры в предложении - это специфицированные структурные схемы предложений, кон-

струкции с количественными дериватами и придаточными, занимающими их позицию, повторами, градациями, сравнениями и др. Синтаксическое положение категориальной семантики меры неоднозначно: с одной стороны, её репрезентанты факультативны и переменны (например *Adv. Quant*), с другой - она формирует структурную схему предложений, например генитивных.

В работе последовательно анализируются все возможные способы манифестации компонента меры: синтаксические модели простого предложения; распространение структурной схемы предложения детерминантами и однородными членами; квантитативная модификация предложения при помощи повторов (союзных и бессоюзных), усиленных частицами; частиц, модальных слов и междометий;

- различные типы сложноподчиненных предложений - с придаточными, замещающими позицию *Adv. Quant*, а также конструкции, для которых функция меры является вторичной (изъяснительные, определенно-качественные, обобщенно-уступительные, неопределенно-условные, градационно-уступительные), и предложения, представляющие качественные отношения, степень признака которых обусловлена лексически;

- сложносочиненные предложения, устанавливающие отношения градации; соединительные с оттенком присоединения; сопоставительно-противительные; разделительные с оттенком суммирования; пояснительные.

Гетерогенность реализации категории меры на синтаксическом уровне обусловлена её природой. Наиболее мощным и гибким средством являются детерминанты и соответствующие им придаточные предложения.

В главе пятой "Фонетические средства репрезентации меры" обсуждаются возможности актуализации меры признака посредством звука, анализируются акустические способы его манифестации.

Проблема выражения меры признака в звуке связана с идеей звуко-символизма. Анализ известных в лингвистике экспериментов позволяет трактовать объективный звуко-символизм как попытку объективации субъективного восприятия по заданным линиям путем умножения субъектов. Объективного звуко-символизма нет, потому что его не может быть никогда: если бы звуки имели постоянную семантическую нагрузку, в слове возникали бы постоянные конфликты; единственной лингвистической реальностью должен быть признан субъективный звуко-символизм.

В практике речевой деятельности, и особенно словесного художественного творчества, выработаны приемы его акцентуаций, каковыми являются разного рода повторы. Если конкретная предметно-логическая дешифровка звуковой акцентуации затруднена, то идея усиления воспринимается однозначно, так как формальное увеличение количества звука сигнализирует об интенсификации. Интенсификаторами признака в сфере звуков выступают аллитерации (и ассонансы) и удлинение звуков (ср. стихотворение А. Вознесенского "Гоя"). Релаксация же невозможна в принципе, поскольку периодичность звука в речи отсутствует, а редукция гласных - норма.

В кругу суперсегментных единиц, усиливающих выражаемую семантику, в работе рассматриваются интонационные конструкции и акцентное выделение слова.

Выделение слова может осуществляться путем удлинения звуков и послогового произношения, также способных выразить функцию интенсификатора. Все проанализированные фонетические средства интенсификации реализуют заданную функцию через отталкивание от своего "нормального" вида в сторону количественного увеличения: акцентуация формы влечет за собой акцентуацию семантики.

Тот же механизм задействован и в ряду графических средств актуализации меры признака, в числе которых в диссертации анализируются выделяющие шрифты, разрядка, прописная буква как знак омонимичной противопоставленности слову, написанному со строчной: жизнь - Жизнь (собственно, почти лексический феномен), написание всего слова прописными буквами.

В ключе манифестации меры признака в главе осмысливается не обусловленное синтаксически функционирование знаков препинания, например вопросительный и восклицательный знак в скобках, а также пространственная композиционная организация текста (на материале стихотворений В. Маяковского, А. Блока, А. Вознесенского, С. Кирсанова).

В заключении даны общие выводы исследования содержания функционально-семантической категории меры, её взаимодействия с другими семантическими компонентами и средствами коннотации, организации в языковой системе и разворачивания в речевой деятельности, а также намечены направления дальнейшего изучения проблемы.

В приложениях представлены образцы анкет и текстов для психолингвистических экспериментов и сводные таблицы полученных результатов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Способы реализации категории интенсивности в русском языке. - Симферополь, 1983. - С.84-89.
2. Глагольная синонимика в русских произведениях Марка Вовчка (на материале "Рассказов из народного быта"). Тези допов. і повід. Респ. наук. конф. - Вінниця, 1983. - С.97-99.
3. Слово вовремя и кстати. //Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. - 1984. - №4. - С.60-64.
4. Анализ семантико-стилистических свойств слова. // Дидактический материал. //Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. - 1984. №4. - С.65-68.
5. Функционирование семы интенсивности действия в структуре глагольных ЛСГ. //Семантика языка и текста. Тез. междуз. научн. конф. - Кировоград, 1984. - С.41-42.
6. Формування значення інтенсивності дії в процесі семантичного розвитку дієслова. // Мовознавство. - 1984. - №5. - С.65-68.
7. Категория интенсивности в структуре русского глагола: Функционально-семантический анализ //Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. - Киев, 1984. - I, I п.л.
8. Лексико-семантическая группа глаголов познавательной деятельности //Культура слова. - Киев, 1984. - Вып.27. - С.44-48.
9. Префиксальный способ выражения интенсивности действия в русской разговорной речи на Украине //Культура русской речи на Украине. - 1984. - С.105-108.
10. Влияние социальной оценки на функционирование просторечной лексики в русской речи на Украине //Русский язык - язык межнационального общения, дружбы и сотрудничества народов СССР. Тез. докл. респ. научн.-практич. конф. - Кировград, 1985. - С.44-45.
11. Категория интенсивности действия в русском языке: характер и некоторые способы выражения // Структура і семантика мовних одиниць. - К: 1985. - С.99-102.
12. Зависимость семы интенсивности от видовой характеристики глагола //Семантика языка и текста. Тез. междуз. научн. конф. - Кировоград, 1987. - С.292-294.
13. Организация самостоятельной работы студентов-заочников в межсессионный период по лингвистическим дисциплинам: "Введение в языкознание". (В соавторстве). - Черкассы, 1988. - С.5-13.
14. Место лингвистических дисциплин в процессе формирования

коммунистического мировоззрения студентов // Воспитание словом. - Киев, 1989. - С.249-258.

15. Категория меры как инструмент лингвистической интерпретации картины мира // Проблемы міжпредметних зв'язків в умовах білінгвізму. Тези Всес. науково-методичноґ конф. - Дрогобич, 1990. - С.234-235.

16. Категории диалектики как лингводидактическая проблема // Формування світоглядних позицій вчителя в процесі навчання і виховання. Тези доп. - Ч.2. - Дрогобич, 1990. - С.168-170.

17. Усвоение функционально-семантической категории меры с опорой на степени сравнения // Вопросы обучения иностранцев русско-му языку. Лингвистика и методика. - Киев, 1990. - С.71-78.

18. Интенсификация признака как результат контаминации форм степеней сравнения в русской речи на Украине // Здійснення ленінськоґ національноґ політики на Донбасі. Тези доп. і повід. Респ. наук. конф. Секція 4-7. - Донецьк, 1990. - С.19-20.

19. Функциональный подход к интерпретации степеней сравнения в иноязычной аудитории // Проблемы интегрального описания языковых единиц. Тез. докл. Всесоюзной конф. - Херсон, 1990. - С.50-52.

20. Нарушение меры - важнейший прием образного решения идеи в повести "Страшная месть" Н.В.Гоголя // Тез. докл. Ш Гоголевских чтений. - Полтава, 1990. - С.105-106.

21. Функціонально-семантична категорія міри в російській мові. - Мовознавство. - 1991. - №2. - С.43-48.

22. Функционально-семантическая категория меры в структуре коммуникативно-прагматической нормы // Лингвистическая семантика и прагматика. Материалы У науч. конф. по проблемам семантических исследований. - Москва-Харьков, 1991. - С.16-18.

23. Особенности аффиксальной модификации глагола в направлении интенсификации его значения // *Zeszyty naukowe wyższej szkoły pedagogicznej w Bydgoszczy. - Studia filologiczne. - Zeszyt 33, - Bydgoszcz, 1991. - С.191-209.*

24. Понятийные категории как источник современного когнитивного функционализма // Русский язык и литература в обучении иностранных студентов. - Киев, 1991. - С.74-79.

25. Функционально-семантическая категория как принцип сопоставительной лингвистики // Проблемы зіставної семантики: Матеріал респ. наук. конф. - Київ-Черкаси, 1992. - С.15-17.

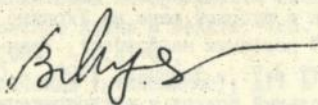
26. Языковая основа категорий Аристотеля и развитие лингви-

стики // Античность. Демократия. Гуманизм: Тез. выст. участников У Всесоюзной конференции по проблемам древнегреческой философии. "Аристотелевские чтения" - Мариуполь, 1991. - С.90-93.

27. О статусе функционально-семантической категории меры в русском языке // Матеріали міжвузівської наук. конф. "Семантика мови і тексту". - Ч.3. - Івано-Франківськ, 1990. - С.5-7.

28. Дівчино-рибчино... - Культура слова. - Вип.42. - Київ, 1992, - С.21-24.

29. Про співвідношення онтологічного і семантичного аспектів міри в структурі лексеми. - Мовознавство. - 1992. - №5. - С.

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Bilyy', with a long horizontal stroke extending to the right.

44128

Ав 25.804

підписано до друку 15.07.92. Формат 60x84 1/16
Ум. друк. арк. 23 Обл. вид. арк. 2.27
Тираж 100. Зам. 495 1992 р. Безплатно

Поліграф. д-ця Ін-ту історії України АН України
Київ-1, Грушевського, 4